

Морфологические особенности «Жития Св. Феодора» (1913) на удмуртском языке

Безенова Мария Петровна, Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (Ижевск),
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); mary_kaj@mail.ru

В статье рассматриваются морфологические особенности перевода «Жития Св. Феодора» (1913 г.) на елабужское наречие удмуртского языка. Актуальность исследования обусловлена тем, что письменные памятники являются одним из основных источников изучения истории языка, однако большинство памятников удмуртской письменности на данный момент еще не рассмотрено.

В работе описываются основные грамматические категории имени существительного (число, притяжательность, падеж) и глагола (залог, наклонение, время), а также неспрягаемые формы глагола (инфинитив, причастие, деепричастие). Анализ морфологических особенностей проводится на основе выявленных ранее графических и фонетических особенностей письменного источника. При этом задействован метод сопоставления языкового материала памятника с данными литературного языка и современных удмуртских диалектов. По возможности также затрагиваются вопросы происхождения морфологических маркеров с целью выявления инновационного либо архаичного характера особенностей, отраженных в исследуемом памятнике на морфологическом уровне.

В результате анализа нам удалось выявить ряд особенностей в оформлении маркеров множественного числа, деепричастий, некоторых падежных и временных форм, посредством которых язык памятника отличается от современного литературного удмуртского языка и некоторых его диалектов. При этом все они зафиксированы в современных южноудмуртских говорах, что не противоречит гипотезе, выдвинутой нами ранее на основе анализа фонетической системы памятника, согласно которой диалектной основой «Жития Св. Феодора» является один из центрально-южных говоров.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалектология, памятники письменности, морфологические особенности

MORPHOLOGICAL FEATURES OF “THE LIFE OF ST. THEODORE” (1913) WRITTEN IN THE UDMURT LANGUAGE

Maria P. Bezenova,
Udmurt Institute of History, Language and Literature Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch, RAS (Izhevsk);
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow); mary_kaj@mail.ru

The article examines the morphological features of the translation of “The Life of St. Theodore” (1913) into the Elabuga dialect of the Udmurt language. The significance of the study lies in the fact that although written records are one of the main sources for studying language history, most of Udmurt written records have not been examined yet.

The paper describes the main grammatical categories of the noun (number, possession, case) and the verb (voice, mood, tense), as well as those of the non-conjugated verb forms (infinitive, participle, adverbial participle). The analysis of morphological characteristics is based on the previously identified graphic and phonetic features of the written source and employs a comparative method: the linguistic data were compared with the data from the literary language and modern Udmurt dialects. Furthermore, whenever possible, the issues of the origin of morphological markers are raised in order to identify the innovative or archaic nature of the characteristics which are reflected in the written record at the morphological level.

As a result, a number of features in the formalization of plural indicators, adverbial participles, some case and tense forms are revealed, which make the language of the written record different from the modern literary Udmurt language and some of its dialects. At the same time, all of these features are preserved in modern South Udmurt dialects, which does not contradict the hypothesis put forward earlier and based on the analysis of the phonetic system of the source text, according to which the dialect basis of “The Life of St. Theodore” is one of the Central-Southern dialects.

Keywords: the Udmurt language, dialectology, written records, morphological features

1. Введение

Статья посвящена описанию морфологических особенностей перевода «Жития Св. Феодора» (1913 г.) на елабужское наречие удмуртского языка. Графические и фонетические особенности памятника были подробно проанализированы в работе [Безенова 2021]. В данной статье рассматриваются основные грамматические категории имени существительного (число, притяжательность, падеж) и глагола (залог, наклонение, время), характерные для удмуртского литературного языка и его диалектов, а также неспрягаемые формы глагола.

Описание морфологических особенностей проводится методом сопоставления языкового материала памятника с данными литературного языка и современных удмуртских диалектов. По возможности также затрагиваются вопросы происхождения морфологических маркеров с целью выявления инновационного либо архаичного характера особенностей, отраженных в переводе «Жития Св. Феодора» на морфологическом уровне.

2. Именная морфология

2.1. Число

Категория числа в [Житие], как и в современном удмуртском языке, выражается противопоставлением форм единственного и множественного числа. Для форм единственного числа характерно отсутствие формальных показателей (ср. *иньты* ‘место’ — литер. *инты*, *ву* ‘вода’ — литер. *ву*, *дыр* ‘время’ — литер. *дыр*). Формы множественного числа имен существительных в памятнике, как правило, образуются с помощью суффикса *-ёс*, который присоединяется как к основам на гласные, так и к основам на согласные:

гижлоёсаз ‘на его язвы’ PL-ILL-POSS.3SG — литер. *гижлоосаз*; *иньтыёс* ‘места’ PL — литер. *интыос*, *иньтыёсыз* ‘места’ PL-ACC — литер. *интыосты/интыосыз*, *иньтыёслы* ‘местам’ PL-DAT — литер. *интыослы*, *иньтыёсэ* ‘в места’ PL-ILL — литер. *интыосы*, *иньтыёсаз* ‘в его местах’ PL-INE-POSS.3SG — литер. *интыосаз*; *книгаёсыз* ‘книги’ PL-ACC — литер. *книгаосты/книгаосыз* (ср. *книгаос* ‘книги’ PL — литер. *книгаос*); *кышноёс* ‘женщины’ PL — литер. *кышноос* (ср. *кышноослы* ‘женщинам’ PL-DAT — литер. *кышноослы*); *періёсыз* ~ *періосыз* ‘злых духов’ PL-ACC — литер. *періосты/періосыз*;

арьёс ‘годы’ PL — литер. *арьёс*; *дышеткисьёсыз* ‘его ученики’ PL-POSS.3SG — литер. *дышеткисьёсыз*, *дышеткисьёсызлы* ‘его ученикам’ PL-POSS.3SG-DAT — литер. *дышеткисьёсызлы*; *тірлыкьёс* ‘изделия’ PL — литер. *тірлыкьёс*; *ужьёс* ‘дела’ PL — литер. *ужьёс*, *ужьёслэсь* ‘от дел’ PL-AVL — литер. *ужьёслэсь*; *улісьёс* ‘живущие’ PL — литер. *улісьёс* и т. д.

Как видим, в отличие от памятника, в удмуртском литературном языке после основ с финальной гласной употребляется маркер *-ос*. В [Житие] данный показатель выступает лишь в форме множественного числа русского заимствования *чудооссэ* ‘его чудеса’ PL-POSS.3SG-ACC — литер. *чудооссэ*, а также в двух случаях функционирует параллельно с показателем *-ёс* (примеры приведены выше).

Образование форм множественного числа с помощью суффикса *-йос* от основ с конечной гласной зафиксировано и в отдельных удмуртских говорах. Более системно это явление представлено в буйско-таньпском и татышлинском говорах периферийно-южного диалекта [Кельмаков 2006: 116] и в косинском говоре нижнечепецкого диалекта [Карпова 2018: 168]. Спорадически подобные формы встречаются и в некоторых других говорах северного наречия [Карпова 2018: 169], а также в центрально-южном диалекте [Атаманов 1981: 52; Загуляева 1982: 6].

По поводу происхождения морфологического показателя множественного числа в пермских языках существуют различные гипотезы [Лыткин 1931: 108; Uotila 1933: 182—183; Kövesi 1965: 152; Кондратьева 2011б: 36 и др.], согласно которым в составе данного маркера изначально был согласный *й*, который в словах на конечную гласную в результате ослабления в интервокальном положении был утрачен. Таким образом, вероятно, из двух показателей множественного числа, которые представлены в современном удмуртском языке и в большинстве его диалектов, *-ос* имеет более инновационный характер, а *-ёс*, который характерен и для текста памятника, по своему происхождению является архаичным.

2.2. Притяжательность

Морфологически категория посессивности в удмуртском языке выражается различными лично-притяжательными суффиксами. В таблицах 1 и 2 представлены притяжательные формы, которые нам удалось выявить в переводе «Жития Св. Феодора» на удмуртский язык, и их литературные соотвества.

Таблица 1. Выражение категории посессивности в памятнике (формы индивидуального обладателя)

Лицо	Одно обладаемое	Много обладаемых
1	<i>анае</i> 'моя мать' POSS.1SG — литер. <i>анае</i> <i>ние</i> 'мой сын' POSS.1SG — литер. <i>ние</i> <i>сьӧлыке</i> 'мой грех' POSS.1SG — литер. <i>сьӧлыке</i>	<i>калыкӧсьме</i> 'моих людей' PL-POSS.1SG-ACC — литер. <i>калыкӧсьме</i>
2	<i>анаед</i> 'твоя мать' POSS.2SG — литер. <i>анаед</i> <i>пидэ</i> 'твоего сына' POSS.2SG-ACC — литер. <i>пидэ</i> <i>улэмед</i> 'твоя жизнь' POSS.2SG — литер. <i>улэмед</i>	не зафиксировано
3	<i>анаез</i> 'его мать' POSS.3SG — литер. <i>анаез</i> <i>ниеэ</i> 'его сын' POSS.3SG — литер. <i>ниеэ</i> <i>сузэрез</i> 'его сестра' POSS.3SG — литер. <i>сузэрез</i> <i>нимыныз</i> 'его именем' INS-POSS.3SG — литер. <i>нимыныз</i> <i>тӱсыз</i> 'его образ' POSS.3SG — литер. <i>тӱсыз</i>	<i>дорисьсьез</i> 'его домашние' PL-POSS.3SG — литер. <i>дорисьсьез</i> <i>дышеткисьсьез</i> 'его ученики' PL-POSS.3SG — литер. <i>дышеткисьсьез</i> <i>монахӧсьез</i> 'его монахи' PL-POSS.3SG — литер. <i>монахӧсьез</i>

Таблица 2. Выражение категории посессивности в памятнике (формы коллективного обладателя)

Лицо	Одно обладаемое	Много обладаемых
1	<i>вӧсяськеммы</i> 'наше моление' POSS.1PL — литер. <i>вӧсяськеммы</i> <i>яраномес</i> 'нашу годность' POSS.1PL-ACC — литер. <i>яраномес</i>	не зафиксировано
2	<i>пыддэс</i> 'вашу ногу' POSS.2PL-ACC — литер. <i>пыддэс</i>	не зафиксировано
3	<i>интыязы</i> 'на их место' ILL-POSS.3PL — литер. <i>интыязы</i> <i>йырзылы</i> 'их главе' POSS.3PL-DAT — литер. <i>йырзылы</i> <i>пизылы</i> 'их сыну' POSS.3PL-DAT — литер. <i>пизылы</i>	не зафиксировано

Как видим, притяжательные формы памятника идентичны литературным. В [Житие] мы обнаружили лишь один пример, не соответствующий современной норме удмуртского языка: *мурты* 'мой человек' POSS.1SG — литер. *муртэ*. Объясняется данное отклонение наличием в удмуртском языке двух вариантов огласовок притяжательных маркеров во всех трех лицах в случае единственного числа обладателя и обладаемого (ср. *-э* (*-е*), *-ы* 'мой, моя, мое'; *-эд* (*-ед*), *-ыд* 'твой, твоя, твое'; *-эз* (*-ез*), *-ыз* 'его, ее'). По мнению одних лингвистов, *ы*-овые огласовки связаны с семантическими признаками имен существительных [ГСУЯ 1962: 82—83], по мнению других, корни данного явления уходят в историческую фонетику [Fokos 1963: 217], по мнению третьих, подобная система притяжательных маркеров сложилась в результате прохождения трех этапов: «фонетического», «семантического» и «морфологического» [Кельмаков 1993: 26]. При этом третий этап, при котором «под действием аналогии происходит постепенное поглощение небольшой *ы*-группы имен существительных *э*-группой через промежуточную ступень варьирования у них форм на *-ы* и *-э*» [Кельмаков 1993: 27], мы активно наблюдаем сейчас как в литературном языке (*виры* ~ *вире* 'моя кровь', *тылыд* ~ *тылэд* 'твой огонь', *кылыз* ~ *кылэз* 'его слово'), так и в удмуртских диалектах (юж. *вил'ыз* // сред. *вил'эз* 'новое', кузм. *чужмортӧд* // сред. *чужмуртэд* 'твой дядя (по матери)') [Кельмаков 2006: 117].

2.3. Падеж

Система склонения литературного удмуртского языка включает 15 падежей, которые формально подразделяются на две группы: а) субъектно-объектные падежи: именительный (номинатив), винительный (аккузатив), родительный (генитив), разделительный (аблатив), дательный (датив), творительный (инструменталь), лишительный (абессив), соответственный (адвербиаль); б) пространственные падежи: местный (инессив), входный (иллатив), исходный (элатив), отдалительный (эгрессив), переходный (пролатив), предельный (терминатив), направительный (аппроксиматив). В диалектах удмуртского языка количество падежей варьируется от 12 до 21 [Кондратьева 2011а: 16]. В частности, во многих периферийно-южных и некоторых центрально-южных говорах количество падежей сократилось до 12—13 вследствие

замещения адвербиальных, аппроксимативных и в отдельных случаях терминативных форм послеложными конструкциями, например: кркм. *ад'амийос с'аин* 'в соответствии с людьми, по-людски' — литер. *адямиосъя, адямиос сямен*; кркм. *гурт пала* 'в сторону деревни, по направлению к деревне' — литер. *гуртлань, гурт пала*; бтБК. *вал дыроз'* 'до лошади' — литер. *валозь, вал дорозь* и др. [Кельмаков 2006: 117—118]. В бесермянском наречии удмуртского языка, а также в среднечепецком и нижнечепецком диалектах северного наречия, напротив, наблюдается увеличение количества падежных форм за счет возникновения серии вторичных локальных падежей «с приметой *-н'* (< *дин'* - 'у, около, при, возле'), препозитивно присоединяемой ко всем первичным пространственным падежным формантам, за исключением аппроксиматива (*-лан'*)», например: *бускэл'-н'ын* 'у соседа' — литер. *бускель дорын, бускэл'-н'ыс'* 'от соседа' — литер. *бускель дорысь, бускэл'-н'э* 'к соседу' — литер. *бускель доры* и т. д. [Кельмаков 2006: 118—119].

В таблице 3 мы представили все падежные маркеры, функционирующие в анализируемом памятнике. Как видим, в [Житие] нам удалось выявить лишь 12 членов парадигматического ряда. Абессивные, адвербиальные и аппроксимативные формы в памятнике мы не зафиксировали. Отсутствие форм лишительного падежа в «Житии Св. Феодора» на удмуртском языке, вероятно, связано с его относительно небольшим объемом (17 страниц) и, в свою очередь, с отсутствием семантически подходящих контекстов. С одной стороны, этим же можно объяснить и то, что в тексте нам не удалось выявить соответственный падеж; хотя, с другой стороны, как мы указали выше, для отдельных южных диалектов в целом характерна замена подобных форм послеложными конструкциями, которые встречаются в тексте памятника, ср.: *верамез сямен* 'согласно сказанному им' — литер. *верамезъя, верамез сямен, косэмеэ сяин* 'по его велению' — литер. *косэмеэъя, косэмеэ сямен* и др. Однако что касается направительного падежа, в [Житие] отсутствуют не только словоформы, маркированные суффиксом *-лань*, но и конструкции с послелогом *пала* 'к, в сторону, на', которые могли бы их заменить. Вероятно, это связано с тем, что аппроксиматив является «одним из самых редкоупотребительных падежей в современном удмуртском языке» [Кондратьева 2011а: 204].

Из таблицы видно, что в оформлении отдельных падежных показателей памятника по сравнению с литературной нормой прослеживаются некоторые особенности.

2.3.1. Маркером **винительного падежа** множественного числа в [Житие] является суффикс **-ыз**:

висисъёсыз 'больных' PL-ACC — литер. *висисъёсты/висисъёсыз*;
интыёсыз 'места' PL-ACC — литер. *интыосты/интыосыз*;
кыльёсыз 'слова' PL-ACC — литер. *кыльёсты/кыльёсыз* и др.

Как видим, в литературном языке на данный момент в этой роли функционируют два синонимичных показателя *-ты* и *-ыз*. Однако что касается удмуртских диалектов, в данном случае их употребление зависит от конкретной диалектной зоны: маркер *-ты/-ть* характерен для говоров северной диалектной зоны, которая включает в себя северное и бесермянское наречия, а также часть срединных говоров, а суффикс *-ыз/-ъз* представлен в говорах южной диалектной зоны, охватывающей южное наречие и южную часть срединных говоров (см. подробнее [Тепляшина 1975: 180—181]). Относительно происхождения этих показателей существуют различные гипотезы (подробнее см. [Кондратьева 2011в: 117—118]), однако, по мнению ученых, оба маркера, скорее всего, восходят к прапермскому периоду [Кельмаков 2006: 120; Кондратьева 2011в: 118].

2.3.2. Для образования форм **разделительного падежа** в памятнике параллельно с суффиксом **-лэсь**, идентичным литературному, употребляется суффикс **-лйсь**, ср.:

1) **-лэсь**:

Георгийлэсь 'от Георгия' ABL — литер. *Георгийлэсь*;
Исусъ Христослэсь 'от Иисуса Христа' ABL — литер. *Исусъ Христослэсь*;
кортлэсь 'из железа' ABL — литер. *кортлэсь*;
кышнолэсь 'от женщины' ABL — литер. *кышнолэсь*;
святойлэсь 'от святого' ABL — литер. *святойлэсь*;
эксэйлэсь 'от царя' ABL — литер. *эксэйлэсь*;
ветлонэзлэсь 'от его хождения' POSS.3SG-ABL — литер. *ветлонэзлэсь*;
висёнэзлэсь 'от его болезни' POSS.3SG-ABL — литер. *висёнэзлэсь*;
кулэмезлэсь 'от его смерти' POSS.3SG-ABL — литер. *кулэмезлэсь*;
пиезлэсь 'от его сына' POSS.3SG-ABL — литер. *пиезлэсь*;
ужьёслэсь 'от дел' PL-ABL — литер. *ужьёслэсь*.

Таблица 3. Падежные маркеры имен существительных

Падеж	Единственное число		Множественное число	
	[Житие]	литер.	[Житие]	литер.
номинатив	θ (52) ¹	θ	θ (17)	θ
аккузатив	-э/-е (44)	-э/-е	-ыз (9)	-ты/-ыз
	θ (30)	θ		
	-эз/-ез (17)	-эз/-ез		
	-эс/-ес (5)	-эс/-ес		
генитив	-лэн (18)	-лэн	-лэн (2)	-лэн
аблатив	-лэсь (10)	-лэсь	-лэсь (1)	-лэсь
	-лйсь (4)	-лэсь		
	-лйсь ~ -лэсь (3)	-лэсь		
датив	-лы (32)	-лы	-лы (5)	-лы
инструменталь	-эн/-ен (15)	-эн/-ен	-ын (1)	-ын
	-эны/-ены- (7)	-эны/-ены-		
	-ыны- (3)	-ыны-		
абессив	не зафиксировано	-тэк	не зафиксировано	-тэк
адвербиаль	не зафиксировано	-я	не зафиксировано	-я
инессив	-ын (12)	-ын	-ын (2)	-ын
	-а/-я- (6)	-а/-я-		
	-н (2)	-н		
	θ (1)	θ		
иллатив	-э/-е (16)	-э/-е	-э (1)	-ы
	-а/-я- (11)	-а/-я-		
элатив	-ись/-йсь (10)	-ысь	-ысь (1)	-ысь
	-ысь (1)	-ысь		
	-исьты/-йсьты- (5)	-ысьты-		
эгрессив	-исен/-йсен (3)	-ысен	не зафиксировано	-ысен
	-исены/-йсены- (1)	-ысены-		
пролатив	-тй- (1)	-тй-	не зафиксировано	-тй
терминатив	-ось (1)	-ось	не зафиксировано	-ось
аппроксиматив	не зафиксировано	-лань	не зафиксировано	-лань

2) **-лйсь**:

Стефанлйсь 'от Стефана' ABL — литер. *Стефанлэсь*;

чашалйсь 'от чаши' ABL — литер. *чашалэсь*;

эксэйлыгльйсь 'от царства' ABL — литер. *эксэйлыкльэсь*;

корказыльйсь 'от их дома' POSS.3PL-ABL — литер. *корказылэсь*.

3) **-лйсь ~ -лэсь**

Инмарлйсь ~ Инмарлэсь 'от Бога' ABL — литер. *Инмарлэсь*;

Феодорлйсь ~ Феодорлэсь 'от Феодора' ABL — литер. *Феодорлэсь*;

анаезльйсь ~ анаезлэсь 'от его матери' POSS.3SG-ABL — литер. *анаезлэсь*.

Отметим, что вариант с гласным *и* встречается и в отдельных удмуртских говорах, а именно в кукморском, шошминском, канлинском, а также в бесермянском наречии удмуртского языка, ср. кукм., шошм., канл. *анай-лис'*, бес. *анай-лис'* ~ *анай-лэс'* 'у (от) матери' [Кельмаков 2006: 120]. В бавлинском говоре периферийно-южного наречия зафиксировано параллельное употребление алломорфов *-лис'* и *-лэс'*, ср. *атайлйсь' ~ атаилэсь'* 'у (от) отца' [Тараканов 1960: 133]. Из двух вариантов менее распространенный *-лис'*, вероятно, все-таки имеет более архаичное происхождение, поскольку в данном случае мы имеем прямые параллели в коми языках, ср.: к.-я. *-лись*, к.-п. *-лысь/-лйсь*, к.-з. *-лысь* [Усачева 2011: 209]. На ос-

¹ Здесь и далее в скобках указано количество словоформ с тем или иным падежным показателем, которые нам удалось выявить в [Житие].

нове этих соответствий, как полагает В. К. Кельмаков, для прапермского периода можно реконструировать форму **-līs(t-)* [Кельмаков 2006: 121] (ср. **-lišt* [Серебрянников 1963: 83]).

2.3.3. Форма множественного числа **входного падежа** в памятнике образуется с помощью маркера *-э* в соответствии с литер. *-ы*. Но, к сожалению, в [Житие] в данном случае представлен лишь один пример: *иньтыёсэ* ‘в места’ PL-ILL — литер. *интыосы*. В диалектах современного удмуртского языка, как и в рассмотренных нами ранее памятниках на глазовском и казанском диалектах, подобные формы также не зафиксированы. В связи с этим, на наш взгляд, делать какие-либо выводы о происхождении этой формы не представляется возможным.

2.3.4. Маркеры **исходного** и **отдалительного падежей** в [Житие] выступают в *и*-овой огласовке, ср.:

Анастасіополійсь ‘из Анастасиополя’ ELA — литер. *Анастасіопольысь*;
бусыись ‘с поля’ ELA — литер. *бусыись*;
городійсь ‘из города’ ELA — литер. *городысь*;
гуртійсь ‘из деревни’ ELA — литер. *гуртысь*;
дорись ‘из дома’ ELA — литер. *дорысь*;
жугисьнонійсь ‘с битвы’ ELA — литер. *жугиськонысь*;
иньмись ~ *инмись* ‘с неба’ ELA — литер. *инмысь*;
музьемись ‘из земли’ ELA — литер. *музьемысь*;
Палестинаись ‘из Палестины’ ELA — литер. *Палестинаысь*;
черкись ‘из церкви’ ELA — литер. *черкысь*;
гуйсьтыз ‘из его пещеры’ ELA-POSS.3SG — литер. *гуйсьтыз*;
кійсьтыз ‘из его руки’ ELA-POSS.3SG — литер. *кысьтыз*;
юамисьтыз ‘из-за его расспроса’ ELA-POSS.3SG — литер. *юамысьтыз*;
дорисьтызы ‘из их дома’ ELA-POSS.3PL — литер. *дорысьтызы*;
косэмисьтызы ‘из-за их просьбы’ ELA-POSS.3PL — литер. *косэмысьтызы*.
иньмисен ‘с неба’ EGR — литер. *инмысен*;
нуналійсен ‘с дня’ EGR — литер. *нуналысен*;
пиналісенік ‘с детства (досл. с ребенка) же’ EGR — литер. *пиналысен ік*;
нуналысеныз ~ *нуналійсеныз* ‘с его дня’ EGR-POSS.3SG — литер. *нуналысеныз*.

Исключение составляют лишь две формы:

Иерусалимысь ‘из Иерусалима’ ELA — литер. *Иерусалимысь*;
гурезьёсысь ‘с гор’ PL-ELA — литер. *гурезьёсысь*.

Следует отметить, что *и*-овые варианты маркеров в памятнике присоединяются также к основам серийных послелогов, а кроме того, содержатся в структуре ряда наречий, обозначающих место. При этом аналогичные формы в конце XIX в. были зафиксированы в елабужском диалекте и финским ученым Ю. Вихманном, ср.:

бордійсь ‘от’ — литер. *бордысь*; ср. *bordīś*, *bordīś* (G), *bordīś* (M), *bordīś* (J, MU, U) ‘от’ [Wichmann 1987: 26];
дорись ‘от’ — литер. *дорысь*; ср. *dorīś* (G), *dorīś* (J, MU) ‘от’ [Wichmann 1987: 37];
дорисен ‘от’ — литер. *дорысен*; ср. *dorīsen* (J, MU) ‘от’ [Wichmann 1987: 37];
лыійсь ‘с’ — литер. *ылысь*; ср. *jīiś* (J), *d’iīiś* (MU), *d’iīiś* (U) ‘с’ [Wichmann 1987: 78];
пуҷкись ‘из’ — литер. *пушкысь*; ср. *puškiś* (J, U), *puškiś* (J), *puškiś* (MU) ‘из’ [Wichmann 1987: 214];
улійсь ‘с’ — литер. *улысь*; ср. *ulīś* (G, U), *ulīś* (G), *uīiś*, *uīiś* (MU) ‘снизу’ [Wichmann 1987: 295].
кытійсь ‘откуда’ — литер. *кытысь*; ср. *kītīś* (G, B), *kītīś* (M), *kītīś* (J, MU), *kītīś* (J) ‘откуда?’ [Wichmann 1987: 127];
отійсь ‘оттуда’ — литер. *отысь*; ср. *otīś* (G), *otīś* (S, M, MU), *otīś* (MU), *otīś* (MU, U) ‘оттуда’ [Wichmann 1987: 183];
отіисен ‘оттуда’ — литер. *отысен*; ср. *otīsen* (G, B) ‘оттуда’ [Wichmann 1987: 183];
татіісь ‘отсюда’ — литер. *татысь*; ср. *tātīś* (G), *tātīś* (M, MU), *tātīś* (MU, U) ‘отсюда’ [Wichmann 1987: 255].

Элативные и эгрессивные показатели с *и*-овой инициальной представлены и в современных говорах удмуртского языка. Они характерны для говоров южной диалектной зоны, в том числе встречаются в центрально-южном диалекте [Архипов 1978: 16—17; Загуляева 1982: 6]. В северной диалектной зоне,

напротив, представлены *ы*-овые варианты этих маркеров, идентичные литературным [Кельмаков 2006: 121]. При этом общепринято мнение, согласно которому «южноудмуртские формы на *-и-* имеют вторичное происхождение из более ранних форм на *-ы-* под влиянием последующего палатального согласного *с'*» [Кельмаков 2006: 122]. Таким образом, ясно, что *и*-овые варианты элативных и эгрессивных маркеров в памятнике имеют инновационный характер.

2.3.5. Показателем **предельного падежа** в памятнике выступает суффикс **-ось**, правда, как и в случае с входным падежом множественного числа, в тексте присутствует лишь одна форма (*жытось* ‘до вечера’ TER — литер. *жытозь*), хотя в данном случае она встречается в двух предложениях. Этот же маркер присоединяется к основе серийных послелогов *дыр-*, который в сочетании с существительными в [Житие] выражает терминатив с темпоральным значением, ср.: *Пасха дырось* ‘до Пасхи’ — литер. *Пасха дырозь, Пасхаозь; нуналэз дырось* ‘до его дня’ — литер. *нуналэз дырозь, нуналояз*. Показатель *-ос'* (*-ос'а*) зафиксирован и в отдельных говорах современного удмуртского языка [Кондратьева 2011б: 170].

По поводу происхождения суффикса предельного падежа существуют различные точки зрения (подробнее см. [Кондратьева 2011в: 41—46]). Однако, если учесть соответствующие терминативные маркеры в коми языках (ср. к.-з., к.-п. *-ӧдз* [Баталова 1993а: 221, 1993б: 234]), уместно предположить, что вариант **-ось**, характерный для современного удмуртского языка, по своему происхождению является более архаичным, а алломорф, представленный в памятнике, по всей видимости, инновационным.

3. Глагольная морфология

3.1. Залоги глагола

В современном удмуртском языке выделяют две группы залогов: а) понудительный и непонудительный, б) возвратный и невозвратный.

3.1.1. Формы **понудительного залога** в [Житие], как и в современном удмуртском языке, образуются присоединением к основе глагола маркера **-т(ы)-**: *лэсьтытэм* ‘он, оказывается, заставил сделать’ CAUS-2PST.3SG — литер. *лэсьтытэм(ез)*, *пырытэм* ‘он, оказывается, заставил войти’ CAUS-2PST.3SG — литер. *пырытэм(ез)*. Для форм непонудительного залога характерно отсутствие формальных показателей, ср.: *лэсьтэм* ‘он, оказывается, сделал’ 2PST.3SG — литер. *лэсьтэм(ез)*, *пырем* ‘он, оказывается, вошел’ 2PST.3SG — литер. *пырем(ез)* и др.

3.1.2. **Возвратный залог**, противопоставляясь невозвратному с нулевым показателем, в современном удмуртском языке образуется с помощью маркеров *-иськ(ы)-/йськ(ы)-*, *-ск(ы)-* (I спряжение) и *-ськ(ы)-* (II спряжение)². В памятнике основными показателями возвратного залога являются суффиксы:

1) **-иськ(ы)-/йськ(ы)-**:

вӧлдйськыса ‘распространившись’ REFL-CONV — литер. *вӧлдйськыса*;
пилиськыса ‘разбившись’ REFL-CONV — литер. *пилиськыса*;
куриськом ‘мы помолимся’ REFL-FUT-1PL — литер. *куриськом(ы)* и др.

2) **-ськ(ы)-**:

вӧсяськем ‘он, оказывается, молился’ REFL-2PST.3SG — литер. *вӧсяськем(ез)*;
люкаськиллям ‘они, оказывается, собрались’ REFL-2PST.3PL — литер. *люкаськиллям(зы)*;
чогаськем ‘он, оказывается, заперся’ REFL-2PST.3SG — литер. *чогаськем(ез)* и др.

Однако при образовании рефлексивных форм от глаголов первого спряжения в [Житие] возможны отклонения, ср.:

аткыса ~ *ачкыса* ‘показавшись’ REFL-CONV — литер. *адзиськыса/адскыса*, *аткем* ‘он, оказывается, показался’ REFL-2PST.3SG — литер. *адзиськем(ез)/адскем(ез)* (< *адзыны* ‘увидеть, видеть; повидать’);
дышеткыны ‘обучаться’ REFL-INF — литер. *дышетйськыны/дышетскыны*, *дышеткон* ~ *дышетчкон* ‘предназначенный для обучения’ REFL-PTCP — литер. *дышетйськон/дышетскон* (< *дышетыны* ‘учить, обучить, обучать’);

² Глаголы I и II спряжения отличаются друг от друга финальной гласной основы, стоящей перед инфинитивным показателем *-ны*: глагольные основы с конечной *-ы-* относятся к I спряжению (например: *мыныны* ‘идти, пойти’, *учкыны* ‘смотреть, глядеть’, *пырыны* ‘зайти, заходить’ и др.), а с *-а-* (*-я-*) — ко II спряжению (например: *ужаны* ‘поработать, работать’, *дасыны* ‘приготовить, готовить’, *бичаны* ‘собрать, собирать’ и др.) [УКК 2011: 148].

куткем ~ *кучкем* 'он, оказывается, начал' REFL-2PST.3SG — литер. *кутйськем(ез)/кутскем(ез)*, *куткыса* 'начав' REFL-CONV — литер. *кутйськыса/кутскыса*, *куткильям* 'они, оказывается, начали' REFL-2PST.3SG — литер. *кутйськильям(зы)/кутскильям(зы)* (< *кутыны* 'поймать; схватить'); *пылачкон* 'предназначенный для крещения' REFL-PTCP — литер. *пылатйськон*, *пылачкыса* 'крестившись' REFL-CONV — литер. *пылатйськыса* (< *пылатыны* 'крестить, окрестить').

Как видим, в памятнике представлены две модификации суффикса *-иськ(ы)/-йськ(ы)-* — *-к(ы)-* и *-чк(ы)-*, которые, как правило, возникают в результате сочетания залогового суффикса глаголов I спряжения с глагольными основами на *-ты-* [Кельмаков 2006: 140]. Аналогичные варианты зафиксированы и в современных говорах удмуртского языка. При этом, по данным диалектологов, *-к(ы)-* встречается в большинстве срединных говоров (в Шарканском, Увинском, Селтинском, Завьяловском районах) [Кельмаков 2006: 141], а *-чк(ы)-* представлен в отдельных говорах центрально-южного наречия, например в кырымасских [Кельмаков 2006: 141] и граховских [Атаманов 1981: 69], а также в верхнечепецких говорах северного наречия [Алашеева 1982: 92]. Функционирование в памятнике обоих вариантов *-к(ы)-* и *-чк(ы)-*, возможно, свидетельствует о том, что в основе текста лежит диалект, территориально расположенный на границе южноудмуртских и срединных говоров удмуртского языка.

3.2. Категория наклонения и временные формы

В современном литературном удмуртском языке и большинстве его диалектов выделяют три наклонения глаголов: изъявительное, повелительное и сослагательное. Все они присутствуют и в тексте «Жития Св. Феодора».

3.2.1. Основным отличительным признаком глаголов **изъявительного наклонения** является их способность изменяться по временам. В удмуртском языке различают восемь временных форм: а) простые: настоящее, будущее, первое прошедшее (очевидное), второе прошедшее (неочевидное); б) сложные: I плюсквамперфект, II плюсквамперфект, прошедшее длительное и прошедшее многократное [УКК 2011: 170].

В образовании форм **настоящего, будущего и первого прошедшего времени** в соответствии с литературными формами особых отклонений не выявлено, ср.:

яратйсько 'люблю' PRS.1SG — литер. *яратйсько*, *бёрдйськод* 'плачешь' PRS-2SG — литер. *бёрдйськод*, *туртэ* 'намеревается' PRS.3SG — литер. *турттэ*, *буре ваё* 'поминают' PRS.3PL — литер. *буре ваё*, *уг сюлмаськы* 'не беспокоится' NEG.PRS.3SG — литер. *уг сюлмаськы* и др.; *куло* 'умру' FUT.1SG — литер. *куло*, *луод* 'станешь' FUT-2SG — литер. *луод*, *улоз* 'будет жить' FUT-3SG — литер. *улоз*, *бертом* 'возвратимся домой' FUT-1PL — литер. *бертом(ы)*, *данялозы* 'прославят' FUT-3-PL — литер. *данялозы*, *уг кушты* 'не брошу' NEG.FUT.1SG — литер. *уг кушты* и др. *басьтй* 'я взял' 1PST.1SG — литер. *басьтй*, *улийд* 'ты жил' 1PST-2SG — литер. *улийд*, *кошкиз* 'он ушел' 1PST-3SG — литер. *кошкиз*, *дугдытйды* 'вы остановили' 1PST-2-PL — литер. *дугдытйды*, *ой тоды* 'я не узнал' NEG.1PST.1SG — литер. *ой тоды*, *од берты* 'ты не вернулся домой' NEG.1PST.2SG — литер. *ой тоды*, *оз поты* 'он не вышел' NEG.1PST.3SG — литер. *оз поты*, *оз лэзе* 'они непустили' NEG.1PST.3-PL — литер. *оз лэзе* и др.

Второе прошедшее время в памятнике представлено лишь формами третьего лица единственного и множественного числа: *карем* 'он, оказывается, сделал' 2PST.3SG — литер. *карем(ез)*, *тодмам* 'он, оказывается, узнал' 2PST.3SG — литер. *тодмам*; *кошкильям* 'они, оказывается, ушли' 2PST.3PL — литер. *кошкильям(зы)*, *жаляльям* 'они, оказывается, пожалели' 2PST.3PL — литер. *жаляльям(зы)* и др.

В образовании этих форм нам удалось выявить ряд особенностей.

1) Утвердительные и отрицательные формы 3-го лица единственного числа, образованные от глаголов I спряжения, выступают в [Житие] без личного показателя (*-ез*), употребление которого в литературном языке факультативно, например:

курэм 'он, оказывается, попросил' 2PST.3SG — литер. *курэм(ез)*;
пуктэм 'он, оказывается, построил' 2PST.3SG — литер. *пуктэм(ез)*;
улэм 'он, оказывается, жил' 2PST.3SG — литер. *улэм(ез)*;
тодыттэ 'он, оказывается, не знал' NEG.2PST.3SG — литер. *тодыттэ(ез)* / *өвёл тодэм(ез)*;
косымтэ 'он, оказывается, не велел' NEG.2PST.3SG — литер. *косымтэ(ез)* / *өвёл косэм(ез)*;
зорымтэ 'дождь, оказывается, не шел' NEG.2PST.3SG — литер. *зорымтэ(ез)* / *өвёл зорэм(ез)* и др.

2) Утвердительные формы 3-го лица множественного числа функционируют в памятнике без маркеров лица и числа (-з-ы), употребление которых в литературном языке также носит факультативный характер: *возильям* 'они, оказывается, держали' 2PST.3PL — литер. *возильям(зы)*; *көйлільям* 'они, оказывается, переночевали' 2PST.3PL — литер. *көйлільям(зы)*; *кошкильям* 'они, оказывается, ушли' 2PST.3PL — литер. *кошкильям(зы)* и др.

3) Отрицательные формы образуются в тексте синтетическим способом:

дйсьтымтэ 'он, оказывается, не осмелился' NEG.2PST.3SG — литер. *дйсьтымтэ(ез)* / *өвёл дйсьтэм(ез)*;

луымтэ 'он, оказывается, не стал' NEG.2PST.3SG — литер. *луымтэ(ез)* / *өвёл луэм(ез)*;

сиймтэ 'он, оказывается, не съел' NEG.2PST.3SG — литер. *сиймтэ(ез)* / *өвёл сием(ез)* и др.

4) Отрицательные формы 3-го лица множественного числа в [Житие] не имеют в своем составе элемента -ля-:

верамтэзы 'они, оказывается, не сказали' NEG.2PST-3-PL — литер. *вераллямтэ(зы)* / *өвёл вераллям(зы)*;

тэрымтэзы 'они, оказывается, не вместились' NEG.2PST-3-PL — литер. *тэриллямтэ(зы)* / *өвёл тэриллям(зы)*.

Все эти особенности в целом характерны для отдельных говоров южноудмуртского наречия [Кельмаков 2006: 150—152]. Что же касается функционирования в [Житие] отрицательных форм 3-го лица множественного числа без -ля-, в данном случае, вероятно, в памятнике представлены более ранние формы, а в литературном — более поздние, поскольку здесь они дополнительно «осложнены суффиксом -л'л'-, возникшим из сочетания -лй- суффиксов многократности -л и -й: *лй > л'л'*» [Карпова 2018: 321].

Из сложных временных форм в памятнике встречаются лишь две разновидности:

а) **прошедшее длительное время:**

вань вылэм 'имелся' PRS.3SG AUX — литер. *вань вылэм*;

уг зор вылэм 'дождь не шел' NEG.PRS.3SG AUX — литер. *уг зор вылэм*.

б) **прошедшее многократное время:**

кошкоз вылэм 'он уйдет, бывало' FUT-3SG AUX — литер. *кошкоз вылэм*,

вералоз вылэм 'он скажет, бывало' FUT-3SG AUX — литер. *вералоз вылэм*,

пыроз вылэм 'он зайдет, бывало' FUT-3SG AUX — литер. *пыроз вылэм*;

вөсялозы вылэм 'они освятят, бывало' FUT-3-PL AUX — литер. *вөсялозы вылэм*.

Как видим, никаких отклонений в образовании этих форм по сравнению с литературной нормой не наблюдается.

3.2.2. В тексте «Жития Св. Феодора» форма **повелительного наклонения** единственного числа, как и в современном удмуртском языке, не имеет морфологического маркера, т. е. совпадает с глагольной основой³: *берыкты* 'верни' IMP.2SG — литер. *берыкты*, *валэкты* 'разъясни' IMP.2SG — литер. *валэкты*, *ёна* 'излечись' IMP.2SG — литер. *йёна* и др. При этом конечная гласная основы -ы при отсутствии сочетания согласных в корне слова, как правило, выпадает: *тау кар* 'поблагодари' IMP.2SG — литер. *тау кар* (< *тау карыны* 'благодарить, поблагодарить'), *ул* 'живи' IMP.2SG — литер. *ул* (< *улыны* 'жить, прожить') и др.

Морфологическими показателями утвердительных форм множественного числа в литературном языке являются суффиксы -э(лэ)/-е(лэ) (I спряжение) и -лэ (II спряжение). К сожалению, подобные примеры в памятнике отсутствуют.

Отрицательные формы повелительного наклонения образуются путем сочетания не изменяемого по лицам и числам препозитивного глагола *эн* 'не' с соответствующими утвердительными формами: *вождэ эн вай* 'не сердись' NEG.IMP.2SG — литер. *вождэ эн вай*, *эн басьтэ* 'не забирайте' NEG.IMP-2PL — литер. *эн басьтэ(лэ)*.

Кроме синтетического способа образования императивных форм, в удмуртском языке выделяют также аналитический способ, при котором глагол употребляется с препозитивными неизменяемыми частицами *мед* или *медам* (*медад*, *медаз*): *мед мыноз* 'пусть он пойдет', *медам лыкты* 'пусть он не приходит' и т. д. [УКК 2011: 168]. В [Житие] подобный пример лишь один: *медаз кулы* 'пусть он не умрет' NEG.IMP.3SG — литер. *медаз кулы*.

³ Ударение при этом переходит на первый слог слова: *вётлы* 'сходи', *дугды* 'остановись', *у́жа* 'работай' и др. [УКК 2011: 164].

3.2.3. Морфологическим маркером **сослагательного наклонения** в удмуртском языке является суффикс *-сал*, к которому в формах единственного числа 2-го и 3-го лица, а также в формах множественного числа во всех трех лицах, как правило, присоединяются маркеры лица и числа: *мон гожъясал* ‘я бы писал’, *тон гожъясал(ыд)* ‘ты бы писал’, *со гожъясал(ыз)* ‘он бы писал’, *ми гожъясалмы* ‘мы бы писали’, *тй гожъясалды* ‘вы бы писали’, *соос гожъясалзы* ‘они бы писали’ [УКК 2011: 161]. Однако проверить, соответствуют ли сослагательные формы памятника литературным и современным диалектным вариантам, мы не можем из-за отсутствия соответствующих примеров в тексте.

3.2.4. Помимо трех основных, некоторые ученые выделяют в удмуртском языке еще **желательное наклонение**. Полные парадигмы спряжения зафиксированы в говоре д. Муважи Алнашского района УР, кукморском, кырымасских и некоторых других южноудмуртских говорах [Кельмаков 2006: 145—146]. В северном и бесермянском наречиях, а также в срединных говорах на данный момент сохранились лишь формы 3-го лица, которые сейчас рассматриваются в парадигме повелительного наклонения. По мнению В. К. Кельмакова, о существовании и дальнейшем распаде в этих говорах целостной парадигмы желательного наклонения свидетельствует тот факт, что «в отрицательном аспекте для выражения 3-го лица употребляется отрицательная вспомогательная часть как 1-го лица (*мэдам*), так и 3-го лица (*мэдаз*)» [Кельмаков 2006: 146].

В [Житие] нам удалось выявить лишь несколько утвердительных форм: две формы 1-го лица и три формы 3-го лица единственного числа:

мед пыром вал ‘пусть бы я вошел’ OPT.1SG — литер. *мед пыром вал*, *мед кулом вал* ‘пусть бы я умер’ OPT.1SG — литер. *мед кулом вал*;

мед кароз вал ‘пусть бы он сделал’ OPT.3SG — литер. *мед кароз вал*, *мед коттоз вал* ‘пусть бы он смочил’ OPT.3SG — литер. *мед коттоз вал*, *мед кулоз вал* ‘пусть бы он умер’ OPT.3SG — литер. *мед кулоз вал*.

Несмотря на отсутствие полной парадигмы в памятнике, наличие форм первого лица, на наш взгляд, свидетельствует о том, что в тексте представлено желательное наклонение, которое в большинстве современных говоров уже не выделяется.

3.3. Неспрягаемые формы глагола

К неспрягаемым формам глагола в удмуртском языке относят инфинитив, причастия и деепричастия.

3.3.1. Морфологическим показателем **инфинитива** в [Житие], как и в удмуртском литературном языке и в абсолютном большинстве диалектов, является аффикс *-ны*: *вöсьяськыны* ‘молиться’ — литер. *вöсьяськыны*, *мыныны* ‘идти’ — литер. *мыныны*, *чоксаны* ‘закрыть’ — литер. *чоксаны* и др.

3.3.2. **Причастия** в памятнике оформлены следующими морфологическими показателями:

1) **-йсь**:

лыктысь ‘приходящий’ — литер. *лыктысь*, *улысь* ‘живущий’ — литер. *улысь*

2) **-эм/-ем** (от глаголов I спряжения), **-м** (от глаголов II спряжения):

лэзем ‘посланный’ — литер. *лэзем*, *лэсьтэм* ‘сделанный’ — литер. *лэсьтэм*, *котыртэм* ‘огороженный’ — литер. *котыртэм* и др.;

вöтам ‘увиденный во сне’ — литер. *вöтам*;

3) **-оно**:

кулоно ‘которому предстоит умереть’ — литер. *кулоно*, *паймоно* ‘которому предстоит удивиться’ — литер. *паймоно*;

4) **-он/-ён**:

кыльлён ‘предназначенный для лежания’ — литер. *кыльлён*, *локаськон* ‘предназначенный для встречи’ — литер. *локаськон*, *улон* ‘предназначенный для житья’ — литер. *улон* и др.;

5) **-мон**:

ульмон ‘достаточный для жизни’ — литер. *ульмон*;

6) **-мтэ**:

кульмтэ ‘не умерший’ — литер. *кульмтэ*;

7) **-онтэм**:

бертонтэм ‘безвозвратный’ — литер. *бертонтэм*.

Как видим, никаких отклонений в образовании причастных форм в анализируемом тексте не наблюдается.

3.3.3. Деепричастия в памятнике оформлены следующими формантами:

1) **-са:**

курыса ‘прося’ — литер. *курыса*, *пегзыса* ‘убежав’ — литер. *пегзыса*, *тодыса* ‘узнав’ — литер. *тодыса* и др.;

жаляса ‘пожалев’ — литер. *жаляса*, *кышкаса* ‘боясь’ — литер. *кышкаса*, *малтаса* ‘думая’ — литер. *малтаса* и др.

2) **-тэк:**

бертытэк ‘не возвращаясь домой’ — литер. *бертытэк*, *дышетытэк* ‘не обучив’ — литер. *дышетытэк*, *потытэк* ‘не желая’ — литер. *потытэк* и др.

Кроме основного суффикса *-тэк*, который встречается в восьми формах, в двух примерах представлен вариант *-тэг*: *висытитэг* ‘не болея’ — литер. *висытитэк*, *лэзытитэг* ‘не отпуская’ — литер. *лэзытитэк*. Стоит отметить, что подобный алломорф ранее был отмечен и в памятнике на казанском наречии удмуртского языка [Безенова 2018: 21], но, к сожалению, в других источниках и в современных диалектах следов подобного варианта мы еще не встречали, поэтому на данный момент делать какие-либо выводы о происхождении этого алломорфа мы не можем.

3) **-кы:**

азыкыз ‘когда он видит’ 3SG — литер. *адзыкуз*, *бертыкыз* ‘когда он возвращается домой’ 3SG — литер. *бертыкуз*, *ветлыкызы* ‘когда они ходят’ 3-PL — литер. *ветлыкузы* и др.

Маркер *-кы*, который употребляется в памятнике в соответствии с литературным *-ку*, по своему происхождению считается более архаичным (см. подробнее [Серебренников 1963: 302]). Этот вариант представлен на данный момент в говорах южной диалектной зоны [Атаманов 1981: 55, 2005: 188; Загуляева 1982: 6; Кельмаков 2006: 159], в бесермянском наречии [Тепляшина 1970: 253], а также в нижнечепецком диалекте северного наречия удмуртского языка [Карпова 2018: 357]. Для остальных севернудмуртских диалектов характерен формант *-ку*, который закрепился и в современном литературном языке.

Кроме того, из приведенных примеров видна еще одна особенность: деепричастия, оформленные суффиксом *-кы*, а также суффиксом *-тось* (*-тося-*), который будет рассмотрен далее, в отличие от предыдущих глагольных форм, могут изменяться по лицам и числам.

4) **-тось (-тося-):**

восьськытось ‘пока молишься’ — литер. *восьськытозь*, *кулытосязы* ‘до их смерти’ 3-PL — литер. *кулытосязы*.

Как видим, в данном случае показатель, выявленный в памятнике, также не совпадает с литературным суффиксом. В диалектах удмуртского языка сегодня выделяют несколько алломорфов маркера *-тозь* (*-тос'*, *-тоз'*, *-ййож*, *-ччож*, *-ччоз'* (*-чоз'*) [Кельмаков 2006: 157—158]). Вариант *-тос'*, зафиксированный нами в [Житие], по данным диалектологов, распространен в кукморском, шошминском и бавлинском говорах периферийно-южного диалекта [Кельмаков 2006: 157]. Возможно, этот маркер встречается и в современных говорах центрально-южного диалекта удмуртского языка, но из-за низкого уровня изученности данного ареала такие примеры еще не выявлены.

4. Выводы

Итак, в переводе «Жития Св. Феодора» на морфологическом уровне можно выделить ряд особенностей, в отношении которых язык памятника отличается от современного литературного удмуртского языка и некоторых его диалектов:

- 1) образование множественного числа имен существительных от основ с конечной гласной с помощью суффикса *-ёс*;
- 2) употребление в формах разделительного падежа параллельно с аффиксом *-лэсь* маркера *-лйсь*;
- 3) функционирование элативных и эгрессивных показателей в *и*-овой огласовке;
- 4) образование терминатива с помощью суффикса *-ось*;
- 5) функционирование двух модификаций залогового аффикса *-иськ(ы)/-йськ(ы)-* — *-к(ы)-* и *-чк(ы)-*;
- 6) отсутствие в отрицательных формах прошедшего неочевидного времени 3-го лица множественного числа элемента *-лля-*;
- 7) наличие форм желательного наклонения;
- 8) образование деепричастий, обозначающих дополнительное действие, протекающее одновременно с основным, с помощью маркера *-кы*;

9) функционирование деепричастий, указывающих на действие, до осуществления которого происходит другое действие, с показателем *-тось (-тося-)*.

Из девяти перечисленных особенностей, выявленных нами в тексте, четыре (пп. 3, 4, 5, 9) имеют инновационный характер. При этом все они зафиксированы в современных южноудмуртских говорах, что не противоречит гипотезе, выдвинутой на основе анализа фонетической системы памятника, согласно которой диалектной основой «Жития Св. Феодора» является один из центрально-южных говоров [Безенова 2021: 47].

К сожалению, нам не удалось однозначно объяснить функционирование некоторых особенностей в [Житие]. В какой-то мере, вероятно, это связано с небольшим объемом памятника, но главным образом, на наш взгляд, на это повлияло отсутствие комплексных описаний большинства удмуртских диалектов. В первую очередь это относится к центрально-южным говорам, которые по сей день фактически остаются белым пятном в удмуртской диалектологии.

Сокращения

Языки и диалекты

бес. — бесермянское наречие	к.-п. — коми-пермяцкий язык
бтБК. — буйско-таныпский говор деревни Большой Качак (Калтасинский район Башкортостана)	к.-я. — коми-язвинский язык
канл. — канлинский говор	литер. — литературная форма, литературный язык
кркм. — кырымасские говоры	сред. — срединные говоры
кукм. — кукморский говор	шошм. — шошминский говор
к.-з. — коми-зырянский язык	юж. — центрально-южный диалект

диалекты по [Wichmann 1987]:

В — бесермянский диалект	MU — малмыжско-уржумский диалект
G — глазовский диалект	S — сарапульский диалект
J — елабужский диалект	U — уфимский диалект
M — малмыжский диалект	

Глоссы

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо	IMP — повелительное наклонение
1PST — первое (очевидное) прошедшее время	INE — инессив
2PST — второе (неочевидное) прошедшее время	INF — инфинитив
ABL — аблатив	INS — инструменталь
ACC — аккузатив	NEG — отрицательный глагол
AUX — вспомогательный глагол	OPT — желательное наклонение
CAUS — понудительный залог	PL — множественное число
CONV — деепричастие	POSS — посессивный показатель
DAT — датив	PRS — настоящее время
EGR — эгрессив	PTCP — причастие
ELA — элатив	REFL — рефлексив
FUT — будущее время	SG — единственное число
ILL — иллатив	TER — терминатив

Литература

- Алашеева 1982 — *Алашеева А. А.* Верхнечепецкие говоры I // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 91—105. {*Alasheeva A. A. Upper-Cheptsya Dialects I // Speech Samples of the Udmurt Language. Izhevsk, 1982. P. 91—105.*}
- Архипов 1978 — *Архипов Г. А.* Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка I // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сборник статей и материалов. Ижевск, 1978. С. 3—46. {*Arkhipov G. A. Morphological Features of the Udmurt Middle-Southern Dialect I // About Dialects and Subdialects of the Southern Udmurt Dialect: Collection of Papers and Materials. Izhevsk, 1978. P. 3—46.*}

- Атаманов 1981 — *Атаманов М. Г.* Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии. Ижевск, 1981. С. 45—96. {*Arkhipov G. A.* Grakhov Dialects of the South Udmurt Dialect // Materials on Udmurt Dialectology: Speech Samples. Izhevsk, 1981. P. 45—96.}
- Атаманов 2005 — *Атаманов М. Г.* От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск, 2005. {*Atamanov M. G.* From Dondykar to Ursyurt. From the History of the Udmurt Regions. Izhevsk, 2005.}
- Баталова 1993а — *Баталова Р. М.* Коми(-зырянский) язык // Языки мира: Уральские языки. Москва, 1993. С. 214—229. {*Batalova R. M.* Komi(-Zyrian) Language // Languages of the World: Uralic Languages. Moscow, 1993. P. 214—229.}
- Баталова 1993б — *Баталова Р. М.* Коми-пермяцкий язык // Языки мира: Уральские языки. Москва, 1993. С. 229—239. {*Batalova R. M.* Komi-Permian Language // Languages of the World: Uralic Languages. Moscow, 1993. P. 229—239.}
- Безенова 2018 — *Безенова М. П.* «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз»): глагольная морфология // Урало-алтайские исследования. 2018, 1 (28). С. 7—22. {*Bezenova M. P.* “Christian Admonition of St. Tikhon in the Votyak Language” (1891): Verbal Morphology // Ural-Altaic Studies. 2018, 1 (28). P. 7—22.}
- Безенова 2021 — *Безенова М. П.* Фонетические особенности «Жития Св. Феодора» (1913) на удмуртском языке // Урало-алтайские исследования. 2021, 2 (41). С. 21—50. {*Bezenova M. P.* Phonetic features of the “Life of St. Theodore” (1913) (written) in the Udmurt language // Ural-Altaic Studies. 2021, 2 (41). P. 21—50.}
- ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Отв. ред. *П. Н. Перевоицков*. Ижевск, 1962. {Grammar of the Modern Udmurt Language: Phonetics and Morphology. Izhevsk, 1962.}
- Житие — Святой Феодорлэн улэмез. Житие Св. Феодора: На вотскомъ языкѣ елабужскаго нарѣчїа. Первое издание Переводческой Комиссии 3-го благочинническаго округа, Елабужскаго уѣзда, Вятской Епархїи. Казань: Центральная типографїа, 1913. 19 с. {Life of St. Theodore: In the Elabuga dialect of the Votyak Language. The first edition of the Translation Commission of the 3rd Deanery District, Elabuga District, Vyatka Eparchy. Kazan: Central Printing House, 1913. 19 p.}
- Загуляева 1982 — *Загуляева Б. Ш.* Говоры удмуртов Кизнерского района // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 5—27. {*Zagulyaeva B. Sh.* Dialects of the Kizner District Udmurts // Speech Samples of the Udmurt Language. Izhevsk, 1982. P. 5—27.}
- Карпова 2018 — *Карпова Л. Л.* Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Дисс. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2018. {*Karpova L. L.* Dialects of the Northern Dialect of the Udmurt Language: Formation and Current Status. Doctoral thesis. Izhevsk, 2018.}
- Кельмаков 1993 — *Кельмаков В. К.* Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Ижевск, 1993. {*Kel'makov V. K.* Formation and Development of Phonetics of the Udmurt Dialects. Izhevsk, 1993.}
- Кельмаков 2006 — *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд. Ижевск, 2006. {*Kel'makov V. K.* Short Course of Udmurt Dialectology: Textbook for Higher Educational Institutions. 2nd ed. Izhevsk, 2006.}
- Кондратьева 2011а — *Кондратьева Н. В.* Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск, 2011. {*Kondratyeva N. V.* Category of the Nominative Case in the Udmurt Language. Izhevsk, 2011.}
- Кондратьева 2011б — *Кондратьева Н. В.* Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2011. {*Kondratyeva N. V.* Variation of Nouns in the Udmurt Language (Grammatical Categories of Case and Number). Summary of a Doctoral thesis. Izhevsk, 2011.}
- Кондратьева 2011в — *Кондратьева Н. В.* Формирование падежной системы в удмуртском языке. Ижевск, 2011. {*Kondratyeva N. V.* The Formation of the Case System in the Udmurt Language. Izhevsk, 2011.}
- Лыткин 1931 — *Лыткин В. И.* К происхождению суффикса множественного числа *jos* в удмуртском языке // На удмуртские темы: Сб. статей. Вып. II. Москва, 1931. С. 101—111. {*Lytkin V. I.* On the Origin of the Plural Suffix “jos” in the Udmurt Language // Udmurt Topics: Collection of Papers. Vol. II. Moscow, 1931. P. 101—111.}
- Серебренников 1963 — *Серебренников Б. А.* Историческая морфология пермских языков. Москва, 1963. {*Serebrennikov B. A.* Historical Morphology of Perm Languages. Moscow, 1963.}
- Тараканов 1960 — *Тараканов И. В.* Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке: На материале бавлинского диалекта // Труды Института языка и литературы АН ЭССР. Таллин, 1960. Вып. 5. С. 117—153. {*Tarakanov I. V.* Some Phenomena of Assimilation, Elision and Insertion of Sounds in the Udmurt Language: On the Material of the Bavly Dialect // Proceedings of the Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of the ESSR. Tallinn, 1960. Issue 5. P. 117—153.}
- Тепляшина 1970 — *Тепляшина Т. И.* Язык бесермян. Москва, 1970. {*Tepliyashina T. I.* The Beserman Language. Moscow, 1970.}
- Тепляшина 1975 — *Тепляшина Т. И.* Употребление формантов аккузатива множественного числа в удмуртских диалектах // СФУ. 1975, XI. С. 179—185. {*Tepliyashina T. I.* The Use of Plural Accusative Formants in the Udmurt Dialects // Soviet Finno-Ugric Studies. 1975, XI. P. 179—185.}

- УКК 2011 — Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): Тодослыко-дышетскон издание (Морфология удмуртского языка: Научно-учебное издание) / Отв. ред. *Н. Н. Тимерханова*. Ижевск, 2011. {Morphology of the Udmurt Language: Scientific and Educational Publication / Ed. *N. N. Timerkhanova*. Izhevsk, 2011.}
- Усачева 2011 — *Усачева М. Н.* Показатели элатива, эгрессива и аблатива в пермских языках: сфера употребления и зоны конкуренции // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2011. Т. 7. Часть 3. С. 208—213. {*Usacheva M. N.* Indicators of Elative, Egressive and Ablative in Permian Languages: Sphere of Use and Zones of Competition // *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research*. 2011. Vol. 7. Part 3. P. 208—213.}
- Fokos 1963 — *Fokos D.* [рец.] Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962 // *Nyelvtudományi Közlemények*. 1963, 1 (66). 215—218 old.
- Kövesi 1965 — *Kövesi M.* A permi nyelvek ősi képzői. Budapest, 1965.
- Uotila 1933 — *Uotila T. E.* Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki, 1933.
- Wichmann 1987 — *Wichmann Y.* Wotjakischer Wortschatz / Aufgezeichnet *Y. Wichmann*. Bearb. *T. E. Uotila, M. Korhonen*. Hrsg. *M. Korhonen*. Helsinki, 1987. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. 1987, XXI.)